

А.С. Пушкин
Музей.

19/5-89,

Сов. Культура. 1989. 19 янв. с. 5

Мало ли нынче скандалов? Но этот был полной неожиданностью. У ленинградцев еще не прошли мозоли, нажитые на добровольных авралах на Мойке, 12, а по городу уже ползли слухи, что квартира поэта загублена, что новая экспозиция плоха из рук вон...

Музей перестал работать, музей митинговал и год, и два. Экспозиция может быть плохой, но разве творческие вопросы создания экспозиции возможно решить митингом или простым голосованием? Не нравится — представь свою, другую концепцию и докажи, что она лучше. Не доказывали, предлагали одно: вернуться к прежней экспозиции из семи комнат.

Этот скандал не утих и сегодня. И хотя все специалисты высказались однозначно и публично, в споры вовлекаются все новые и новые люди.

В апреле 1988 года была закрыта литературно-монографическая экспозиция Всесоюзного музея А. С. Пушкина, которая двадцать один год размещалась в городе Пушкине в церковном флигеле Екатерининского дворца. История эта получила широкую огласку, о ней писали многие газеты и журналы, и не по одному разу. Создавались комиссии в Ленинграде, ехали комиссии из Москвы, принимали решения о правомерности и справедливости того, что произошло, но вновь раздавалось: на берегах Невы опять-де подняли руку на Пушкина. Вот так, ни больше и ни меньше.

В конфликте вокруг церковного флигеля — не о Пушкине речь. Не о судьбе его творений. Речь — об одной из экспозиций Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде. Об одной из нескольких. И не об уничтожении ее, а лишь о перемещении.

Наконец, как во всяком конфликте, в этом — две противоборствующие стороны, два музея. Вот и давайте рассмотрим конфликт, как это принято в цивилизованном обществе, с двух сторон.

Итак, в 1751 году к работам над созданием Екатерининско-

СКАНДАЛ НА ФОНЕ БАРОККО

го дворца в Царском селе приступил великий Бартоломео Франческо Растрелли. Уже тогда великий. Уже прославленный созданием дворцов и храмов в Петербурге и Петергофе, Москве и Киеве, Рундале и Митаве... Гений и огромный опыт зодчего позволили именно в Царском селе создать свое вершинное творение. Не просто дворец совершенных пропорций, органично сочетающий в декоре колонны, пилястры, богатейшую лепку, гармонию голубого, белого, золотого цветов. В нем учтено все — высота естественного холма, простор парка, сила солнечного света в зените и на закате, цвет неба и плотность облаков. Это уникальное творение мирового значения. Недаром в строгой, как все науки, истории архитектуры именно после Екатерининского дворца появился термин «ликующее барокко».

С елизаветинских времен этот дворец был официальной летней резиденцией русских самодержцев. Революция этот дворец пощадила, в тяжелейшую войну коллекции его спбегли, а потом и приумножили.

Скажите, в нашей просвещенной державе надо доказывать, что Екатерининский дворец — национальная гордость и народное достояние, что красота духовна?

Выходит, надо. Ибо долгие годы, с января 1944-го, когда город Пушкин был освобожден от фашистской оккупации, мы распоряжались судьбой дворца не лучшим образом. Начиная с 1947-го здесь десять лет размещалась военная организация. Это военные провели во дворце электричество, водоснабжение, отопление, как это было нужно и удобно им, ведь для них дворец не был дворцом, был конторой, куда они ходили на службу. Лишь в 1957-м было принято решение возрождать в Екатерининском дворце музей, а в 1959-м —

первые восемь залов, менее всех пострадавшие в войну, были открыты для экскурсантов. Военных выселили, но вместо них под крышей дворца вместе с музеем расположились ресторан со складом, база отдыха, городская музыкальная школа, реставрационные мастерские, а в 1967 году вместо музыкальной школы в церковный флигель въехал Всесоюзный музей А. С. Пушкина на правах аренды. Каждая организация эксплуатировала «свою» часть здания, конечно же, как хотела и как умела.

Сегодня уже открыто двадцать два зала, в семи идет реставрация, три помещения готовятся к ней, в них ведутся общестроительные работы. Возрождение красоты подвигается, но здание живет на тех же инженерных коммуникациях, которые были временно проложены военными сорок лет назад! 30 лет в первых реставрированных залах не было даже косметического ремонта! Гардеробы, туалеты, буфеты, тапочные, спроектированные в 1960 году, рассчитанные на полторы тысячи посетителей в день. А их бывает нынче не менее девяти тысяч ежедневно, 1,2 миллиона человек в год!

Музей — не только экспозиция. Это еще и фонды. 20 тысяч уникальных предметов искусства хранятся не только в устрашающей тесноте под кровлей, которая постоянно протекает, которая сделана в 1950 годы тоже, наверное, временно. От неисправной электропроводки было несколько возгораний. В прошлом году горел Тронный зал. Необходим ремонт, без него дворец просто погибнет. И ремонт начался. Идет замена отопительной системы, потом начнется ремонт водоснабжения, электропроводки, кровли. Из аварийных комнат третьего этажа фонды эвакуированы, перемещаются экспонаты из тех залов, где уже идет ремонт. Куда? — спро-

сите. Закрыли для посетителей залы всей северной части и превратили их во временный запасник. А когда до них дойдет ремонт? Надо учесть и такое обстоятельство: реставраторы вплотную подошли к тем залам, которые занимают всю высоту здания, антресольный третий этаж в них будет сломан, возвращать фонды будет некуда. Помещения, где были ресторан, база отдыха, мастерские, уже освобождены и освоены. Оставалось одно: расторгнуть арендный договор с Пушкинским музеем, реставрировать церковный флигель и превращать его в фондохранилище. Или гибнуть.

У нас есть немало людей, которые слово «гибель» применительно к шедевру архитектуры не воспринимают трагически. Не свое гибнет, не кровное. Подумаешь, красота... Тогда придется напомнить, что на реставрацию Екатерининского дворца мы уже потратили 35 миллионов рублей. Их нам никакая сумасшедший дядюшка не дарил. Свои тратили, отрывая от многого самого необходимого. Не жалко? Очень хотелось привести и еще одну цифру — стоимость уникальной коллекции, хранящейся во дворце. Но такой цифры в природе не существует. Нет, если сегодня дворец покупает часы за 17 тысяч рублей, то в описи эта цифра есть. А вообще основу коллекции составляет то, чем владела до революции царская семья. Так вот, за 71 год мы это собрание ни разу не оценили. Оно бесценно — гордо говорим мы. Действительно, не стоит ни копейки. Почему до сих пор не оценена коллекция Екатерининского дворца — еще одно необъяснимое русское чудо. Но сделать это надо Министерству культуры немедленно с учетом сегодняшней мировой конъюнктуры на художественном рынке. И сумми обнародовать, может, тогда мы назовем себя по правде бессовестными варварами.

Трагедия не в том, что начался ремонт, а в том, что его не было сорок лет.

Ну а теперь повернемся в другую заинтересованную сторону, к монографической экспозиции Всесоюзного музея А. С. Пушкина, которая тоже претендует на церковный флигель. Споры нет, она была хороша, умна, эмоциональна. Но она просуществовала 21 год. За это время ушло вперед пушкиноведение, огромным количеством новых документов и изобразительного материала пополнились фонды музея. Экспозиция не реагировала на это никак. Подлинники, из которых она была составлена, за два десятилетия устали смертельно, нуждались в отдыхе, а многие и в реставрации. Наконец, бурно развивался музейный дизайн, и глухие щиты из фанеры, обтянутые мешковиной, — сегодня каменный век и постоянный источник беды. Следовательно, в любом помещении она уже не могла оставаться неизменной.

В отличие от Екатерининского дворца Всесоюзному музею А. С. Пушкина все время городские власти что-то предлагают. Например, дома по Лицейскому переулку в Пушкине — и в доме директоров, у Малиновского, у Энгельгарта поэт бывал часто, и в доме лицейского учителя музыки Теппера де Фергюссона — тоже не хотят. Предлагают дом Державина на Фонтанке — тоже уже не хотят. Александровский лицей — нет и нет... Только церковный флигель. Музейщики нетерпимы, привередливы и требовательны за гранью приличия. Во всяком случае спокойной наступают на горло другому музею.

В дележ церковного флигеля втянут весь город. Заседают неоднократно Пушкинский дом и Союз писателей, музейный совет и постоянная комиссия по культуре Ленгорисполкома, приезжала компетентная комиссия Министерства куль-

туры РСФСР. Все считают, что церковный флигель надо оставить за дворцом. Но втягиваются в спор все новые люди, все новые силы. Принимается то одно решение, то другое. Плюрализм мнений — вещь хорошая, но плюрализм решений — абсурд. Он уже довел Всесоюзный музей А. С. Пушкина до беды. Занятый внутренними распрями и внешними баталиями Музей Пушкина объявил закрытие монографической экспозиции в Пушкине национальной трагедией, в связи с чем началось бесконечное «митингование».

Думаю, есть у Пушкинского музея причина так держаться за старое, и она проще, чем кажется. Судя по всему, сегодня Музей Пушкина не располагает людьми, способными создать новую, в полном смысле современную экспозицию. Не на чем им было вырасти. Устрашающие теснота и бедность во многих наших музеях экспозиционеров превратили в зрителей, а хранителей — в кладовщиков.

Нет в том вины музейщиков, есть беда, которую в миг не одолеешь. Так, может, не надо городить временных «главных» экспозиций в Пушкинском музее? Может, есть смысл, не топясь, толково выбирать здание и так же неспешно, обретая вкус к творчеству, работать над переосмыслением прежней экспозиции или созданием новой? Куда мы гоним лошадей? К юбилею? Но есть Мойка, 12. Есть Черная речка, Лицей, дача Китаевой. Кто сказал, что они не главные? В нашем личном общении с Пушкиным каждый все главное определяет для себя сам. А что касается юбилея, так давайте к нему издадим Пушкина побольше и получше. Будем его читать — занятие, многими на митингах, увы, забытое. Тогда он нас поймет. И простит.

Э. ГОРЧАКОВА.
(Наш соб. корр.)
ЛЕНИНГРАД.